

Танцующие мужчины эпатируют публику

В Москве отметили столетие Теда Шоуна

Татьяна Кузнецова

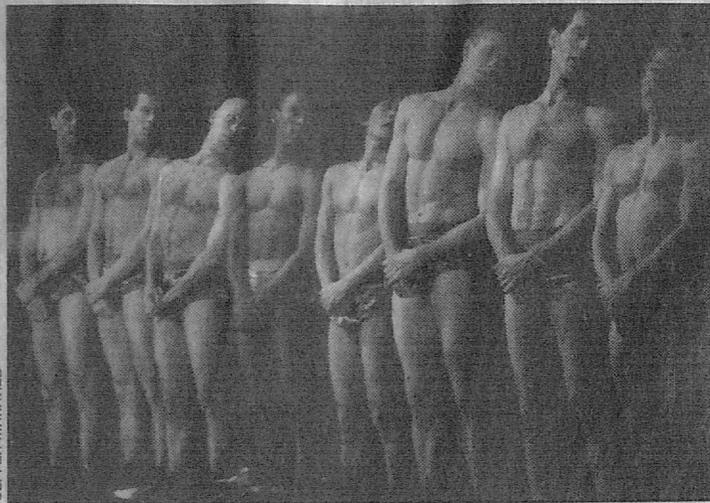
К

ассовый успех этой труппе обеспечило ее название: в «Танцующих мужчинах» изощренное ухо москвичей уловило некий сексуальный подтекст.

Театр им. Пушкина, по выбору артистического агентства «Ардани» ставший очагом американского искусства в российской столице, трещал от наплыва знатоков современного танца, любителей «клубнички», представителей сексуальных меньшинств и просто любопытствующих. И все в той или иной степени остались довольны. Первые увидели антологию мужского танца США с 30-х годов до наших дней. Вторые — голые попки и буроватые фаллосы. Третьи — обнаженные тела и суровую нежность мужской дружбы. Четвертые — разнообразный репертуар, диапазон которого распространялся от нудноватой изобразительности «Не воспетых» Хосе Лимона до балансирующих на грани пристойности эскапал «Невест Франкенштейна» Рика Дарнелла. Круговая порука приобщенности к запретному плоду связывала посетителей театра, мешая пробиться к существу дела: к личности и деятельности самого Теда Шоуна, одного из основоположников американского танца модерн.

Как все выдающиеся американцы, Шоун имел непостижимую биографию. В девятнадцать лет его разбил паралич, и юноше пришлось отказаться от привлекавшей его карьеры священника. В качестве лечебного средства врач прописал ему танцы. Уже через четыре года Тед Шоун не только забыл о параличе, но и стал партнером и мужем Рут Сен-Дени, которую вместе с Айседорой Дункан считают родоначальницей танца XX века.

Так уж вышло, что все ключевые роли в американском балете модерн достались женщинам. Кроме двух названных, это — Марта Грэхем, гениальный хореограф, создательстройной, изумительно — логичной системы тренажа; Дорис Хэмфри — крупнейший теоретик, историк танца, педагог и хореограф; Агнес де Миль, облекшая сырье американского

СЕРГЕЙ МИКЛЯЕВ

фольклора в законченную сценическую форму.

Тед Шоун не мог не испытывать в этой ситуации некоторой неудовлетворенности. Вероятно, именно это чувство подтолкнуло его к разводу со слишком талантливой спутницей жизни; именно комплекс неполноценности заставил его, как он сам говорил, «предпринять что-нибудь решительное, чтобы вернуть мужскому танцу его законный престиж и достоинство, привлечь внимание к проблеме мужчин, занимающихся искусством танца».

Ровно шестьдесят лет назад Тед Шоун впервые показал исторический спектакль, который позже прославился под названием «Тед Шоун и его танцовщики-мужчины». Композиции, созданные специально для мужского кордебалета, произвели сенсацию. На ферме Теда Шоуна в Джейкобс-Пиллоу, где базировалась труппа, стали проходить регулярные фестивали. Хореограф основал и школу, в которой обучались только мужчины, а в 40-м году, добившись поставленной цели, распустил труппу.

За годы, протелевшие с тех пор, пафос борьбы мужчин за балетную сцену потерял актуальность. Традиции, которые так чтят американцы, в данном случае оказались скорее оковами, чем стержнем прогресса. С убедительной наглядностью это проявилось в «Кинетическом молпае», программном произведении философствующего Теда Шоуна, повествующем о борьбе и смерти, возрождения и вечном круговороте жизни. Кинокадры 30-х годов, включенные в программу, донесли до нас танец легендарно-

го артиста. Ошеломляющая динамика поджарого тела, мощь и выразительность жеста, поглощающая сила личностного начала напоминала о другом танцовщике, исполнявшем в то же самое время иные танцы на другом конце земного шара — о Вахтанге Чабукиани. В странах с полярными идеологическими установками одновременно утверждались схожие типы героического мужского танца. Да и хореография «Кинетического молпае» с ее пагетикой, скульптурностью, атлетичностью, воспевающая мужество, волю к победе, оптимизм, пришлось бы ко двору в СССР.

Этот же спектакль «под занавес» исполняли современные танцовщики. Скрупулезно воспроизводя рисунок партий, старательно имитируя порыв и гнев, взволнованность и страсть, они невольно придали любимому детищу Шоуна иронический оттенок, вызывающий лишь снисходительную улыбку и легкое чувство неловкости. «Нет личности!» — воскликнем мы и спохватимся: ведь именно этот упрек уже более двух десятилетий адресуют нашему балету.

А также вспомним, с каким упоением хулиганили американцы в остроумных «Невестах Франкенштейна», пародирующих известные произведения классиков модерна; как священнодействовали в поэтичной пантеистической композиции «Оцеллус» (хореография труппы «Пилоболлус»); в какие психологические глубины окунались в «Одиноком саде» Деметриуса А.Клайна (все — произведения современных авторов). Нет личности?